

ОПРИЧНОЕ ГОСУДАРСТВО И БОЛЬШЕВИСТСКИЙ НАНОКАПИТАЛИЗМ

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ

Постановка проблемы

В настоящей статье я пытаюсь определить общее и особенное в нашей российской советскости и постсоветскости, а затем, исходя из таких определений, ответить на вопрос: это один и тот же, продолжающийся после 1917 г., общественно-политический строй, или же принципиально разные, разделенные между собой 1991 годом, общественные образования?

Выявление наиболее важных сущностных черт и характеристик данных феноменов совершенно ясно показывает, что их самые глубинные, базовые и, в конечном счете, всеопределяющие черты и характеристики и к советскости, и к постсоветскости имеют лишь опосредованное отношение, потому что они, эти наиболее важные черты и *особенности*, — *общие* и для нашей российской, еще досоветской общественности. Тогда возникает следующий вопрос: в какой мере сама наша советскость, как и все наше сегодня, определяются нашим историческим прошлым? И более обобщенно: насколько человек и общество зависят от предшествующего социокультурного опыта? Зависят не в плане банального детерминизма, подразделяемого на экономический, географический и т.д., а в плане наличествующих в нашем обществе и в каждом из нас ментальности, религиозности, социальности, которые пришли из самых отдаленных времен и навсегда вошли в наши сегодняшние исторически транслируемые структуры. И, наконец, вопрос о самом типе русской исторической динамики, ее общем векторе, ее направленности: опять же, не в смысле хорошо известного нам прогрессизма, а в смысле наличия или отсутствия в общественном устройстве способности к саморазвитию, и, соответственно, способности и особенностей его воспроизводства, — т.е. его жизнеспособности.

Нетрудно заметить, что уже сама постановка таких вопросов обращает нас к творчеству А.С. Ахиезера и к трудам его благодарных последователей и почитателей.

В начале статьи я назову и определю в самом общем виде эти наиболее важные сущностные черты и характеристики досоветскости, советскости и постсоветскости, а потом попытаюсь их раскрыть.

Сущностные черты русской системы властвования и общественного устройства

— Сталинизм (Русская Система, большевизм, советская власть, путинизм) — *система властвования, суть которой, структура,*

функции и механизмы всецело определяются глобальным идеократическим (теократическим, идеологическим, сакральным) *Проектом*. Именно постоянным наличием такого Проекта — и в качестве вектора движения, путеводной звезды, и в качестве постоянной реальной практики — российская *идеократическая* империя всегда отличалась и теперь отличается от всех других мировых — *колониальных* — империй.

— Сердцевиной (системообразующим элементом) этого Проекта и, соответственно, массового имперского сознания всегда была *мессианская идея избранничества* (Руси, России, русского, «советского», постсоветского народа) *для воплощения Великой Цели* (спасения истинно христианской веры; торжества Царствия Божьего на русской земле; победы мировой революции; мирового господства; построения коммунизма; сплочения антиамериканских сил, создания санитарного кордона против вестернизации; создания и обеспечения господства энергетической сверхдержавы).

— *Эта Цель* не всегда открыто и определенно формулировалась и официально провозглашалась. Степень ее величия и сакральности на протяжении тысячелетия не оставалась неизменной, одинаковой и равной себе самой. Ее теократичность перекодировалась иногда в идеократическую сакральность, иногда в прагматическую целесообразность. Но как *Цель* она *оставалась всегда*.

— Именно *эта мифологизированная Цель определяет раздвоенность русского космоса*, два противоположных полюса всего пространства русской культуры — взаимосвязанных и, в то же время, взаимоисключающих. На одном из полюсов — устремленность в потустороннее, в область сверхъестественного и олицетворяемая такой устремленностью самодержавная, стремящаяся к полному господству имперская власть. На другом полюсе — пребывающая под Богом земная область естественного с главным ее объектом — народом-богоносцем и с его воплощением: лишенным свободы человеком и подавленной в нем сущностью субъектности.

— *А между полюсами — пульсирующий и движущийся по законам инверсионной логики русский* (славянский, российский, советский, постсоветский) *социум* с его основными составляющими: власть, население, природа и территория России. Власть — моносубъект; население — ее ресурсный объект наряду с земными недрами, природными богатствами; территория — всегда безграничная неопределенность, соответствующая всемирной глобальности Проекта.

— Той же раздвоенностью социума и массового сознания обусловлено и неизменное на протяжении всей истории имперской России и продолжающееся теперь распределение ее глобальных приоритетов, т.е. достижение внешнеполитических целей за счет

ее внутреннего обустройства: не «Россия для русских», а «Россия посредством русских».

Сначала уточним некоторые термины и разясним сравнимость и сопоставимость сталинизма и путинизма.

На мой взгляд, данные режимы по существу более чем сопоставимы: второй с полным на то основанием надлежит воспринимать как естественное, генетическое продолжение первого. Но — с непрямым учетом следующих существенных уточнений и дополнений.

— У путинизма уже нет глобального идеократического Проекта. Проект сдулся, как дырявый воздушный шарик, из-за чего и сам путинизм фактически потерял имперскую составляющую, в очередной раз неестественно трансформировался и превратился в этом смысле в большевистский НАНОкапитализм. Этакий симулякр ударной стройки Третьего Рима в третьем тысячелетии от Рождества Христова на просторах Руси-матушки. Но и в качестве симулякра Проект продолжает существовать в путинизме не только как полная замена реального знаками реального. Он существует еще и как важная (после мамоны, конечно) интенция современной власти. Последняя, таким образом назойливо напоминает о том, чего в нашем мире уже нет и быть не может. Иными словами, сегодня Проект — симулякр самого себя, и именно в таком его качестве он стал двигателем «имперской» политики, неестественно напрягающей современный социум и еще более его уродующей.

— Подобная их жесткая персонификация — сталинизм, путинизм — допустима скорее лишь как оборот речи, как обозначение в разговорной практике, возможно — в публицистике, но никак не в качестве наименования конкретного социологического понятия, не как определение стоящего за этими лицами социокультурного феномена. Разделенные между собой пятидесятилетним временным интервалом, данные персоналистские наименования неизбежно несут на себе, кроме собственно персонификации, еще и большие сопутствующие напластования и перемены — большой и разнообразный «груз времени». Такие, обусловленные именно временем, видимые, бросающиеся в глаза, иногда даже и весьма существенные, но все же совсем еще не сущностные изменения довольно заметно меняют форму рассматриваемой системы властвования. Кроме того, вместе с формой они затрудняют и узнаваемость самой сути, родовой матрицы режимов. Но они, тем не менее, не меняют данную властную систему типологически, оставляют в неизменности и глубинную сущность подвластных ей общественных устройств.

За изменчивой дискретностью форм важно не утратить генетическую преемственность и базовую неизменность смыслов.

— Возможность такой утраты особенно наглядно можно увидеть на примере якобы существенных различий насильственного властвования, с одной стороны, с помощью массовых репрессий (при Сталине), и, с другой стороны, с помощью точечных громких и никогда не раскрываемых убийств и массовой коррупции (при Путине), т.е., в противопоставлении массовых репрессий точечным убийствам в сочетании с массовой коррупцией как основных механизмов тоталитарного (при Сталине) и якобы авторитарного (при Путине) способов господства.

Поясню более конкретно, как за формами могут скрываться смыслы, а они могут скрываться столь надежно и неприступно, что и в наши дни для большинства остаются непостижимыми. Более того, смыслы могут не только скрываться, но даже на какое-то время совсем пропадать. То есть, они, конечно же, никогда и никуда не пропадали: экзистенциально они продолжают всецело определять, как и всегда определяли, всю нашу жизнь, однако в то же время они, не будучи осмысленными, не могут осознанно восприниматься и переживаться. Их, вроде бы, и нет вовсе. Что-то нас терзает, гложет какая-то неопределенность, неуверенность, что-то постоянно гнетет, а что?.. Взор застыт и ум туманят разнообразные, назойливые и вездесущие формы.

Еще один штрих к вездесущности форм. При определении больших этапов и поворотных моментов нашей отечественной истории считается допустимым — не только среди политиков, включая последовательных либералов, но и среди профессиональных историков — усматривать принципиальное различие между сталинизмом и путинизмом еще и как различие между тоталитаризмом и авторитаризмом. (Некоторые убеждены, что даже авторитарным наше нынешнее общественное устройство определять недопустимо, полагая его демократическим. Среди таковых, конечно, сам Путин, а с ним Грызлов, Пушкин, Никонов, Нарочницкая и очень, очень многие другие. Однако здесь — особый случай, к пониманию сущего он явно отношения не имеет.) А событием, породившим, вызвавшим ледоход и образовавшим вслед за ним водораздел между этими якобы принципиально разными системами властвования — тоталитаризмом и авторитаризмом — многие признают XX съезд КПСС (1956), осуждение на нем Хрущевым «культа личности Сталина» и сопутствующей «культу» политики массовых репрессий.

Насилие и массовые репрессии, между тем, уже тогда были предъявлены съезду Хрущевым весьма оригинально и даже, можно сказать, занимательно. Тогда их преподнесли в качестве главной особенности, свойственной, якобы, собственно и исключительно «культу личности» — некой, опять же, довольно странной, так никогда и не получившей вразумительного определения мон-

строузной сущности. Вскоре после XX съезда — а уже вполне определенно начиная с «перестроечных» лет — насилие и сталинские массовые репрессии стали трактоваться заметно иначе: уже не как своего рода родимое пятно только, собственно этого (согласно Хрущеву, связанного исключительно с личностью, именем и временем Сталина) своеобразного вывиха или заноса в целом-то якобы вполне «нормального» нашего советского пути. Насилие и репрессии стали рассматривать и трактовать как глубинную сущность уже всего сталинизма, обозначая данным определением советский социализм в целом; и как общественное устройство, и как свойственную подобному устройству систему властвования.

О типологической идентичности советскости и постсоветскости

Вот здесь и возникает тот самый большой вопрос, что остается без ответа по сей день — вопрос о глубинной сущности самого общественного устройства: и сталинского, как советского, и нашего нынешнего, как путинского. И тот же вопрос — о системе властвования, свойственной то ли каждому из них в отдельности, то ли им обоим вместе. Иначе говоря, вопрос: это два разных строя и две разных системы власти, или же оба они на глубинном, сущностном, на генетически-типологическом их уровне — «два в одном»? И если предположить, что именно «два в одном», то что представляет собой их основание в последней инстанции? Что делает их генетически, типологически едиными? Если же допустить противоположное, как хочется очень многим — а именно, что мы уже преодолели сталинизм (тоталитаризм, диктатуру) и оказались в путинизме (авторитаризме, демократии), — то в таком случае желательно уточнить, конкретизировать: когда и, главное, каким образом это случилось? Можно ли как-то рационализировать подобный воображаемый переход, представить его в удобоваримых социологических, культурологических научных категориях? Пока такой вопрос остается без ответа не только в массовом сознании россиян, но и практически для всего «думающего класса». Непроясненность сущности нашего общежития, о которой, собственно, и идет речь, наряду с ее, вроде бы, безобидными и вполне, казалось бы, естественными персонификациями то под сталинизм, то под путинизм, только камуфлируют эту сущность, затрудняют ее постижение.

Никак не проясняют, но даже еще больше затуманивают вопрос о смыслах нашего существования, о нашем общественном устройстве вместе с присущей такому устройству (а лучше сказать — неустроенности) системой властвования, появившиеся здесь определения: «тоталитаризм» и «авторитаризм». Без обнажения присущих и самим данным понятиям смыслов они тоже могут превратиться в пустые слова-знаки, в этикетки, призванные зафиксиро-

вать если не коренное, то, во всяком случае, существенное различие между тем, что было, и тем, что стало и есть. Или — в своего рода указатели на пути нашего исторического движения, призванные подчеркнуть, что оно, наше движение, несмотря ни на что, все-таки якобы было и остается продвижением от плохого к лучшему. Дескать, и сейчас, конечно, не здорово, мы все еще в авторитаризме, но вдумайтесь: как мы продвинулись после XX съезда и особенно после наших «нулевых»! Мы уже вышли из тоталитаризма! Нет больше ни планово-разверсточной экономики, ни ГУЛАГа, ни массовых репрессий. И, наоборот, вместо всех мерзостей тоталитаризма есть повсюду тучные супермаркеты, реальные деньги и разрешенная частная собственность; есть вроде бы рыночная экономика и сияющая новоделом роскошествующая Москва-красавица. Благодаря партии, осудившей в свое время культ личности, потом в ходе горбачевской перестройки (с ее общечеловеческими ценностями и «гласностью»), затем и особенно благодаря нашему «национальному лидеру» (с его восстановлением порядка и государственности после «лихих девяностых») мы окончательно избавились от оставшегося якобы навсегда уже в прошлом ужасного зла. Поднялись с колен, а теперь уж как-нибудь пересидим и в том, что есть, когда-нибудь, на сей раз, может быть, уже с помощью «дуумвирата», глядишь, переживем, преодолеем потихоньку и авторитаризм.

Здесь снова, как и при декларации различия путинизма и сталинизма, основным содержательным критерием и важнейшим признаком тоталитаризма выступает практикуемая именно сталинским советским режимом знаковая для него форма насилия — массовые репрессии. А коль подобного знака сегодня явно нет, нет уже, вроде бы, и самого означаемого.

Так ли это?

Тоталитаризм, как система властвования, включая и сталинскую его разновидность, определяется — согласно концептуализации Ханны Арендт — наличием соответствующих цели и средства.

Цель — ликвидация социального и культурного разнообразия в общественном устройстве, учреждение совершенно разрозненного атомизированного единообразия и абсолютное стирание на данной основе групповой и индивидуальной субъектности; уничтожение независимого существования какой бы то ни было деятельности, развивающейся по своим законам; искусственное создание атомизированного общества и такого типа человека в нем, который никогда и ни при каких обстоятельствах не будет заниматься «делом ради него самого».

Средство достижения такой цели — всеобъемлющее, тотальное подавление индивида, вплоть до физической ликвидации, абсолютное угнетение его личности, формирование такого мас-

сового сознания, горизонт которого наглухо замкнут всепоглощающим страхом смерти.

Следовательно, гигантские жертвоприношения человеческих жизней потребовались сталинскому тоталитаризму, потому что полного господства над человеком в то время и при тех обстоятельствах можно было добиться лишь посредством прямой и непосредственной угрозы физического уничтожения. Отсюда все сталинские «ноу-хау» типа: «обострение классовой борьбы», «ликвидация классов», «разоблачение заговоров», «уничтожение блоков», «показательные процессы», «постоянные чистки», «чувство вины за связь с врагом» и т.д. Отсюда итоги — советский мартиролог XX века, в котором десятки миллионов имен.

А поскольку в наши дни все подобное, как многим кажется, ушло в прошлое и превратилось в сброшенный с плеч «груз времени» и ничего подобного точно в такой же форме, как тогда было при Нем, уже явно и без всякого «кажется» никогда не повторится, почему бы не позволить себе потоптаться и малость не потешиться на могилке усопшего?

Видимо, не случайно поэтому первые лица нашего государства (а с ними вместе и его alter ego — наша православная церковь) в самое последнее время вдруг дружно устремились в ритуальные заклинания и публичные разоблачения сталинских репрессий. В ознаменование их осуждения и неприемлемости массовых бессудных убийств в будущем Путин едет на Бутовский полигон, где в сталинские времена были убиты и захоронены десятки тысяч людей, и возлагает там цветы. В конце 2009 г. Медведев и Путин неоднократно публично высказывались о неприемлемости государственных успехов ценой жизни людей. Теперь они уже добиваются и впредь будут добиваться успехов другими способами: «Я убежден, что никакое развитие страны, никакие ее успехи, амбиции не могут достигаться ценой человеческого горя и потерь. Ничто не может ставиться выше ценности человеческой жизни. И репрессиям нет оправданий», — заявил Медведев.

Чуть ниже я специально рассмотрю, как на практике реализуется такое путинско-медведевское «ничто не может ставиться выше ценности человеческой жизни», а пока что подведем итог вышесказанному и определим, какой смысл заключен в их закланании «репрессиям нет оправданий».

В громких высказываниях нынешних властителей России о недопустимости повторения массовых репрессий — так же, как в столь же красноречивых, сколь и загадочных умолчаниях об отношении к самому Сталину и сталинизму — раскрываются все наиболее существенные архетипы русской культуры. Достаточно сопоставить эти высказывания вместе с умолчаниями с общими

контурами представлений о нашем сегодняшнем жизнеустройстве, а последние складываются в кипении архаичного крутого бульона из властной исторической политики и массового российского сознания.

В самом общем виде такой совокупный синтетический образ мировидения предстанет в следующих очертаниях и характеристиках.

Вождеденный образ сталинско-путинской России

В путинской России восприятие всего XX века выражено вытеснением социального как такового из советской истории вообще и, следовательно, из массовой исторической памяти россиян в частности. Октябрьская революция оказалась в итоге на задворках исторической памяти как досадный эпизод, как верхушечный переворот, не только не связанный с нашей национальной историей, но и прямо ей противоречащий. Ее теперь преподносят, как и преподносили сразу после ее свершения, противники большевиков: как случайно удавшийся заговор, осуществленный в основном инородцами из-за бездарности либерального Временного правительства. Затем и вся содержательная советскость оказалась как бы «обнуленной» — из нее выхолостили все определяемое Сталиным собственно опустошительное социальное содержание. Высвободившееся таким образом пространство в контексте истории заполнили великими «свершениями» социализма и военным завоеванием половины Европы. Общую картину брежневского «золотого века» — вождеденного для нашего нынешнего традиционализма Опонского царства — поддерживает героический образ, новоявленный в русском сознании образ-тотем: «Отечественная война и державная Победа». А он, в свою очередь, подпирает и возвышает отчасти мифологизированный, отчасти реабилитированный образ Сталина и вместе с ним, следовательно, и сталинизм, и всю сталинскую эпоху в целом. Дальше, за непродолжительной черной полосой «лихих девяностых» и по контрасту с ними, наступает путинское время как — наряду с брежневым благополучием — еще одна, как и сталинская, полоса воплощенных порядка и стабильности. Тем самым XX столетие в его основных событиях, как их навязывает официальная историческая политика в отношении нашего прошлого, воссоединяется в некое «целое». Главная цель подобной исторической политики (которая очень смахивает на «спецоперацию»), — примирить россиян с советским как со «своим», а это «свое» советское — с досоветским русским, как тоже со «своим», но теперь уже как со своим национальным.

Таким образом, весь российский XX век предстает не как продолжение Октября и не как фактически реализованное на основе его победы торжество русского традиционализма — в виде разру-

шительного господства человека-массы, олицетворенного сталинизмом, — а как полное отрицание всей подобной воплощенной в XX веке русской разрушительности. Минувший век предстает, напротив, как победное шествие сталинизма и достижение на его основе державного величия России. Сама ленинско-сталинская устремленность к мировому господству и достигнутое в результате расширение Советского Союза, усиление его военного могущества до уровня второй державы мира — это и есть по существу реализация в советских условиях того самого мессианского Проекта, идеи избранничества России. И тогда становится понятно, почему Путин, говоря о крупнейшей социально-политической катастрофе столетия, называет не объединенные одной разрушительной мессианской идеей две мировые войны и революцию, не воплощенную в сталинизме античеловечность. Для него крупнейшая социально-политическая катастрофа столетия — распад СССР. В связи со сказанным выше такое его сокроуенное признание прочитывается на языке семантики в прямо противоположном, оптимистическом смысле — как возрождение и продолжение Мечты о всемирной миссии России.

Понятно также в данной связи и стремление нынешних руководителей России отмежеваться от сталинских репрессий. Не только отмежеваться, но и осудить их, заклеить как *механизм*, как способ, как одну из возможных форм тоталитарного властвования. Столь громогласный и вроде бы вполне либеральный прием потребовался им, чтобы отвести внимание от стихийно нарастающих и хотя пока что смутно, но все-таки довольно уже ощутимых намерений определить самую суть, обнажить смысл такого типа властвования и смысл самого неотъемлемого для такого типа властвования общественного устройства. То есть проблема сталинизма *низводится* до признания неприемлемой наиболее выразительной репрессивной формы диктаторской власти, а не *возвышается* до признания неприемлемой самой сути подобного типа власти. Можно даже отречься от массовых репрессий и осудить их как способ действий, которого уже нет и который никогда не повторится. Можно, поскольку есть много других способов добиться того же самого, а именно: подавления любой другой субъектности.

Определение сталинизма

На самом деле проблема «через формы — к смыслам» как раз в том, что сегодняшняя Россия — это и есть *живой сталинизм*. Он, конечно, значительно, зачастую до неузнаваемости изменился по сравнению со сталинскими или даже брежневскими временами, но он, тем не менее, сохранился и как первооснова общественно-го устройства, и как тип властвования, и как смысл имперской

идеологии и политики. Именно в таком сущностном, матричном его качестве путинский сталинизм определяет собой внутреннюю и внешнюю политику современной России.

Суть сталинизма, его первооснова — не преступления, не «репрессии» и не «государственный террор как системообразующий фактор эпохи» и даже не только «государственное насилие» (как по А. Рогинскому, например). Родовая черта сталинизма — его античеловечность, а отсюда уже — неприятие и ненависть к любому Другому и, следовательно, к любой другой субъектности, и полное уничтожение на практике всего другого и других, будь то буржуазия, крестьяне, евреи, казаки или мировой капитализм. Помните, хрущевский ботинок в ООН и его же: «Мы все равно вас закопаем». Или простой человек, который будет заниматься «делом ради него самого» — Вавилов, например. Здесь — однотипность с гитлеровским нацизмом и прочими подобными «измами» XX века.

Массовые репрессии, государственное насилие и террор — действительно, специфические и даже весьма существенные характеристики именно сталинизма, однако все-таки они — еще не самая его сущность. Это особенно важно иметь в виду, говоря не о формах, а о смыслах властвования, и не только тогда, но и в современной России. Отсутствие у нас сегодня массовых репрессий и массового, в масштабах Сталина, бессудного террора совершенно не исключает иных способов государственного насилия, иных методов подавления индивида, угнетения его личности и других форм уничтожения любой другой, кроме властной, субъектности. Просто теперь иные способы предстают в других воплощениях, в других институтах, организациях, в других учреждениях с другими функциями. Называется все это иное тоже по-другому: например, борьба с терроризмом, а не война в Чечне; защита российских граждан в Южной Осетии, а не война с Грузией (хотя происходят и нераскрываемые громкие убийства). На все подобные иные способы создания «разрозненного атомизированного единообразия» нынешняя власть, как выяснилось, оказалась вполне и весьма даже способной.

И вот теперь вернемся к тому же вопросу о смыслах нашего бытия, снова задумаемся о причинах нарастания энтропии в современном российском социуме, о его патологической неспособности к саморазвитию и саморганизации и, в силу такой неспособности, о его принципиальной нежизненности. И попытаемся определить, что же в этих причинах «перетягивает» по своему значению и по столь удручающим последствиям: десятки миллионов навсегда сгинувших жертв сталинского террора или еще большие миллионы таких же жертв, но оставшихся в живых нравственно изуродованными?

Вопрос, можно сказать, номер один, если иметь в виду, что он столь же глубоко академичный, сколь и сугубо житейский. Неспособность усмотреть в этом вопросе подлинную его научную глубину и в то же время заключенную в нем же первооснову всей сегодняшней нашей трепетной повседневности может, на мой взгляд, сделать науки о человеке стерильными, а идущих по жизни наших современников (как «простых» смертных, так и самых высоколобых) незрячими. И, наоборот, стремление заглянуть в его глубину превращает проблему о мертвых и живых жертвах сталинской эпохи — проблему саму по себе, казалось бы, неподъемную по ее интеллектуальной и нравственной перегруженности — в частный случай бесконечного, продолжающегося тысячелетиями диалога человека с природой и его столь же продолжительных попыток выстроить отношения и с природой, и с себе подобными. Никак иначе, кроме как взглядом с таких космических высот и до самых что ни на есть океанических глубин, не подступишься к решению такого вопроса, потому что в нем одном в органической неразрывности — весь путь становления человека вообще и русского человека в частности. Здесь его первые шаги в Культуру и удачные приобретения на этом пути, здесь же и все его непреодоленности и цивилизационные застревания на том же пути, от синкретизма наших локальных догосударственных миров, через наши же, русские, ордынство с имперством вплоть до сталинского полного раскультирования и обращения заново в изначальную дикость.

Таким образом, частный случай понимания значимости жертв сталинской эпохи в ходе его рационального постижения предстает встроенным в такой континуум, где факты, события и явления располагаются не в виде шествия гуськом, когда на находящегося впереди влияет лишь следующий непосредственно за ним. Наибольшее влияние на него могут оказывать и флюиды, исходящие от самого дальнего в череде. Исторически транслируемые ментальные стереотипы, сформировавшиеся, например, еще во времена славянских, еще вовсе не русских даже, догосударственных локальных миров, навсегда вошли в нашу культуру и определяют собой сегодня напрямую, непосредственно и наиболее ощутимо, скажем, манихейскую бескомпромиссность и инверсионную логику большевиков нашего времени.

Здесь вся сложность понимания, рационального постижения нашего сегодня.

Трудно распознать в его нынешних тупиках и становящейся очевидной почти для всех безысходности ментальные структуры, нравственные идеалы, идеологические стереотипы, формировавшиеся в тысячелетиях — как, например, свойственную русскому Космосу двоичность. Или усмотреть, например, в путинской

внешней политике не ее имперскость вообще, а именно специфически русскую идеократическую имперскость, которая в качестве диалектической ее воплощенности и как перманентная историческая данность вполне отчетливо прочитывается и у Екатерины, и у Николая Второго, и в секретных протоколах к пакту Риббентропа—Молотова. А завязалась подобная политика в узелок русского сознания — на пользу Богу и в ущерб своим — еще во времена Ивана Третьего.

Однако вернемся к нашим баранам.

Мне доводилось уже писать о том, что «построение социализма» (если факты, события и явления, составляющие реальное содержание заключенных в кавычки слов называть своими именами, а не «коллективизацией», «индустриализацией» и «культурной революцией») было реализованным замыслом уничтожения всего человеческого во всем советском общественном устройстве. Не просто глубокое травмирование всего тогдашнего людского сообщества, но невиданное за всю мировую историю, чудовищное по своей варварской жестокости, по пространственному и временному размаху действо — соскабливание по-живому на всей территории СССР очеловеченного слоя Земли, насильственное сдирание наработанного на ней в веках и тысячелетиях человеческого гумуса. Такой слой и до 1917 г. был еще до крайности хрупким, слабо структурированным, не обрел еще своих современных правовых и нравственных норм, не успел обзавестись своей современной развернутой сетью государственных институтов, коллективных и индивидуальных коммуникаций. Но он, этот слой социальности и культуры, все-таки существовал. Существовала, в частности, вполне выраженная социальная дифференциация: в России жили крестьяне, ремесленники, торговцы, рабочие, люди свободных профессий. Существовали купеческие гильдии, трудовые артели, ремесленные товарищества, церковные приходы, сельские общины, писательские объединения. Особенно важно иметь в виду, что слой социальности представляли тогда не один, а многие и разные миры, — это был, по определению Михаила Гелфтера, «мир миров», и каждый из них опирался на свою культуру, свой этнос и конфессию. А пребывали эти разные миры не только в разных географических точках и климатических условиях всего этого необъятного пространства. У каждого из них был свой собственный исторически транслируемый диалог с землей, свой особенный ментальный и нравственный Космос. К тому же каждый из них в отдельности и все они вместе пребывали в совершенно разных исторических эпохах, простиравшихся почти от неолита до модерна. Временная, культурная, этническая, цивилизационная чересполосица характеризовала каждый из них, как и весь русский мир.

Вместо нее и вообще вместо всего прежнего «партия и правительство» искусственно, по заранее разработанному проекту, как строят

мост или завод, создали совершенно другой, рукотворный выхолощенный советский социум. Все люди превратились в огромную единообразную атомизированную массу, состоящую исключительно из служащих государства, одинаково и минимально оплачиваемых по единому на всю страну государственному тарифу. Крестьянин, русский, артист и магазин, грузин, земля, театр и колхоз уравнивались в статусном смысле: они в одинаковой мере перешли в полную собственность государства под наименованием «совокупные ресурсы». Различие между людьми, вещами и недвижимостью осталось лишь в том, что все они как некие государственные субстанции попадали в разные категории ресурсов. Если одни зачислялись в трудовые, людские, административные, то другие — в материальные, финансовые, энергетические... Но и те и другие оставались всегда всего лишь ресурсами, они одинаково — в цифрах, в тоннах, гектарах и человеко-днях — приписывались, планировались, закладывались, распределялись, перевозились, переселялись, а когда надо, и резервировались. Люди не имели ни прав, ни возможностей по своему желанию менять место работы: у каждого была трудовая книжка, а опоздания на работу или прогулы карались уголовным преследованием. Человек не имел права и возможности по своему желанию менять место жительства: каждого «прикрепили» постоянной пропиской, которую штамповали в обязательном для каждого паспорте. Крестьяне — они составляли больше половины всего населения — не имели вообще никаких прав и никаких возможностей, они не могли даже на несколько дней стронуться с места: у них попросту до 1976 — 1981 годов не было паспортов. Каждый индивид сделался предоставленным исключительно самому себе, к тому же оказался «на коротком поводке» в полной, тотальной зависимости от государства. Поводок этот — зарплата, а лучше сказать, жалованье, на которое в городе не проживешь; в деревне вместо зарплаты — «палочка» — трудовень, ничем, никакими вознаграждениями вообще не обеспеченный.

Все подобные описания советского образа жизни настолько давно и хорошо известны, что в какой-то мере стали уже хрестоматийными. Я решил лишний раз воспроизвести некоторые из них в связи с основной нитью статьи: «через формы — к смыслам». Без такого их воспроизведения остались бы непонятными или подвешенными в воздухе следующие два вопроса, а лучше сказать — две вполне насущные и важнейшие проблемы современной России, определяющие смысл жизни в ней и непосредственно следующие из описания логики советского топоса.

Как трава сквозь асфальт

Глубинный смысл победы большевиков и осуществленного в их античеловеческом стиле «построения социализма» — в раскультировании советского пространства, обращении человека в при-

родное его состояние, возврате к господству диких инстинктов и звериного эгоизма.

По хронологии становления европейской цивилизации это был откат — в границах 1/6 суши — на несколько столетий назад, далеко за пределы эпохи Нового времени, когда формировалась вся сложная нынешняя стратификация (социальная, экономическая, политическая) национальных государств, когда в Европе на основе трудовой этики и христианской морали индивид становился личностью, а бесформенная масса людей на основе осознания групповых, классовых, национальных интересов обретала признаки современной общественной солидарности.

Уравнение в нищете и бесправии абсолютно всех людей на всем советском пространстве, тотальное подавление любых проявлений индивидуально-личного самосознания объяснялись и оправдывались тогда самими творцами Системы и оправдываются их продолжателями сегодня необходимостью истребить личный интерес на момент коллективного героического действия во имя решения Великой задачи. На практике, однако, вышло все ровно наоборот: личный интерес оказался неистребим вообще, а вот индивидуально-личное самосознание, как выяснилось, подавить возможно — и не на какое-то ограниченное время, а навсегда. Тем более возможно, если учесть, что подобного самосознания в качестве нормы человеческого общежития на всем пространстве с названием «Российская империя» не существовало и до начала «построения социализма».

Личный интерес, даже закатанный под асфальт, неумно, как травинка, пробивался и сквозь него, потому что уничтожить его можно только вместе с самим человеком. А вот результат тотальной жестоко запретительной практики по отношению к нему, вплоть до угрозы смертью, обернулся чудовишным и тоже, увы, неистребимым результатом. С ликвидацией права и морали как основы для цивилизованного удовлетворения личного интереса и, вместе с тем, путем возведения мощнейшей запретительно-репрессивно-пропагандистской государственной машины против него строители социализма пробудили и вызвали к жизни все самое худшее, что есть в человеке и что составляет его природную основу, — животные инстинкты и зверский эгоизм. Удовлетворить личный интерес после создания тоталитарного чудовища стало возможным только с помощью насилия, воровства, бюрократической карьеры или становясь стахановцем, т.е. всем тем, что исключительно за пределами морали и нравственности. А с ликвидацией нормальных, эволюционным путем наработанных норм, правил и процедур социальной и политической организации на основе естественной стратификации, с помощью соответствующей

ших гражданских институтов произошло нечто вообще непредвиденное и невиданное в мировой практике. Самоорганизация на основе неудовлетворенности личного интереса вполне естественно стала развиваться в обход тотально устанавливаемых запретов и, в конце концов, стала расширенно утверждаться на криминальной основе в виде всеобщей («системной», как теперь любят повторять) организованной преступности и коррупции. Все живое с той поры устремилось в криминал.

Эту первую проблему, выделенную мной в качестве следствия из описания советского топоса, можно в самом сжатом виде определить так: *перетекающая в современность испорченность всего советского (российского) социума как некоей совокупной субстанции. Не власти только и не только населения, не поголовно всего населения и не буквально каждого представителя власти, а именно всего власти-населения в их органической нерасчлененности и взаимообусловленности на основе их рукотворной обращенности в природное зверство.*

Ненужность населения России

И все-таки вопрос пока что остается: зачем все это, почему, во имя чего? Зачем десятки миллионов убиенных, до смерти замученных в тюрьмах и умерщвленных голодоморами, почему этот изуродованный, исковерканный до зверства социум? Ведь, казалось бы, никакого *raison d'etat*¹ во всех этих языческих жертвоприношениях и колоссальных провалах по шкале мирового времени никогда не было. Ни один из истребленных классов и слоев населения не представлял непосредственной угрозы советской власти, политическая оппозиция перестала существовать еще до ее физического уничтожения, внешней угрозы для СССР не было после признания его большинством правительств и государств. Существовали торговые договоры, международные соглашения, сотрудничество со всеми ведущими странами.

Тем не менее, и вместе с тем — форсированная подготовка к войне, всеобщая мобилизация, переключение всего и вся на создание военной промышленности, психологическое сооружение осажденной крепости? И все это посредством ускоренного уничтожения — десятками миллионов! — и уродование заживо всего остального населения своей же собственной страны?!

Рациональные объяснения такой метаморфозы здесь заканчиваются. Вернее, заканчивается возможность рационально объяснить ее государственными интересами страны и жизненными ин-

¹ *Raison d'etat* (фр.) — государственный интерес.

тересами ее населения и начинается тоже рациональное объяснение данной метаморфозы интересами того же СССР, но теперь уже не просто как одной из стран, а как продолжения и многократного укрепления в нем российской идеократической империи.

Тогда снова все становится на свои места. Для Сталина, как и для Ленина, Россия (СССР) никогда не были самостоятельной и конечной целью, они всегда оставались промежуточным средством для достижения конечной — Великой — цели. Неважно, что собственно конечная цель по называнию у них несколько различалась: у Ленина, как и у Троцкого, — «мировая революция» и диктатура пролетариата во всемирном масштабе, а у Сталина — и вплоть до Горбачева — «построение социализма (коммунизма) в одной стране»... до его победы во всем мире. А по средствам достижения Великой цели Ленин и Сталин вообще существенно расходились. Россию-СССР в качестве подручного средства, в качестве рычага, предназначенного перевернуть мир, они видели принципиально по-разному. Данное расхождение важно зафиксировать, чтобы увидеть и распознать, как потом с Путиным придет уже третья разновидность этого средства достижения за счет России все той же, в последней ее инстанции, но опять же несколько видоизмененной, по-путински переформулированной цели. Ленин, многократно повторяя, что в России было куда проще взять власть, чем удержать, имел в виду аморфность русской социальности, ее несформированность и, соответственно, как государственный деятель ратовал за ее дифференциацию и структурирование. Он думал об укреплении Советов, поддерживал крестьян, чтобы они в ходе разграбления помещиков становились более самостоятельными, стимулировал профсоюзы, чтобы сплотить рабочих. Он даже, когда говорил, что «НЭП — это всерьез и надолго», был за развитие средних слоев, т.е. он полагал (особенно в конце своей жизни), что сама основа, посредством которой и опираясь на которую только и возможно удержать власть для свершения мировой революции, должна быть основательной, надежной — следовательно, структурированной, устойчивой. Диаметрально противоположно смотрел на ту же советскую социальность Сталин — уже взглядом не государственного деятеля эпохи национальных государств, а взглядом деспота, диктатора империалистической эпохи тоталитарного господства человека-массы. Во время проведения НЭПа Сталин убедился, что дифференциация и структуризация населения с неизбежностью ведут к усилению в нем центробежных сил и, следовательно, могут стать не опорой, а угрозой для власти. Население, у различных слоев которого есть свои групповые и классовые интересы, мобилизовать поголовно все, как одного человека, на достижение Великой цели

невозможно. Ведь в таком случае оно должно полностью отречься от самого себя, вместе со всеми своими интересами, чтобы целиком и полностью воплотиться в такой цели. И Сталин решил заменить все советское население, превратить его в массу разрозненных индивидов, всецело, абсолютно и каждый по отдельности подчиненных центральной власти. В этом и был смысл всех его «ноу-хау» — искусственно созданная а-социальная социальность.

Но при всех различиях в средствах достижения и видоизменяемых формулировках ленинско-сталинская Великая цель оставалась всегда порождением, ментальным и социальным следствием не преодоленной в веках дуалистической раздвоенности русского сознания и всего российского социума. Одним полюсом такой раздвоенности всегда оставалась сакрализованная, хотя бы и по марксистско-ленински, Великая цель: в данном случае уходящее в заоблачные выси, всегда отодвинутое в будущее торжество коммунизма и земная гарантия подобного торжества — здесь и сейчас существующая советская власть. Противоположный полюс, по инверсионной логике бинарных оппозиций, — вся остальная, не имеющая самостоятельной ценности земная реальность и население страны в качестве средства для достижения Великой цели. Если сакральный полюс в мифологическом сознании ассоциируется с тотемом, то противоположный — место пребывания анти-тотема, вместилище всех враждебных сил, постоянно угрожающих самому существованию тотема. Чем сильнее напряжение между полюсами, тем оно враждебнее. Отсюда вся сталинская обойма, направленная против анти-тотемных сил: «империалистическое окружение», «пятая колонна», «обострение классовой борьбы по мере продвижения к социализму», «борьба не на жизнь, а на смерть» и «если враг не сдается, его уничтожают». Отсюда и эти десятки миллионов, отсюда и ненужность в качестве самостоятельной ценности всего населения России.

«Национальное» и «государственное» по-советски

Словосочетание «национальное государство» рядом с именами Ленина и Сталина выглядит нелепым алогизмом — но только до тех пор, пока не выявлен смысл, который для них самих фактически стоял за данной формулой.

Понятие «национальный», при абсолютной устремленности их обоих к интернационализму и всемирности, по видимости, могло для них быть лишь иносказанием таких слов, как «страна» или «держав». Не случайно же сооружение, пришедшее с ними на смену Российской империи, лишилось вообще имени собственного и стало национально безымянным — Союз Советских социалистических Республик. Жесты Сталина во время войны и в самом конце

его жизни в сторону русского народа и самого понятия «национальный» в связи с суверенитетом страны свидетельствуют скорее о своеобразии его национализма, нежели о внезапно нахлынувшей на него проникновенной любви к русской нации. Целенаправленное и методичное истребление подвластного народа (прежде всего — русского) тоже вряд ли свидетельствует о сталинской озабоченности национальным суверенитетом или благополучием этого народа. С подобных позиций в понятии «национальное» заключено не столько этническое содержание, сколько — в идеократическо-имперском и в ленинско-сталинском смысле — нечто совсем иное: скорее совокупность всего, что охватывается понятием «государственное» и предназначено для достижения Великой цели.

И все-таки. И тем не менее. Можно вспомнить разногласия Сталина с Лениным по национальному вопросу, и в свете таких разногласий учесть, что, несмотря на теоретическую победу Ленина в то время и даже несмотря на исчезновение слова «русский» из названия страны Сталин строил и выстроил, в конце концов, фактически-то именно унитарное, а не союзное и не федеративное государство, но — «во главе с великим русским народом», как он сказал об этом в связи с Победой. В самом конце своей жизни в обращении к коммунистам со словами «если хотите быть патриотами своей страны, если хотите стать руководящей силой нации» он даже не счел нужным уточнять о какой нации идет речь: иначе говоря, в понятии «национальное» у него присутствовало все-таки и этническое содержание. Просто поскольку для его мифологического сознания было «все во всем», ему и не могло прийти в голову, что надо различать, где национальное, а где государственное. Главным для него всегда оставалось — в чьих руках знамя национального суверенитета.

С понятием «государство» на русской почве тоже все не просто. Оно у нас не государство (state) в западном понимании. Там оно существует как некий орган с определенными полномочиями, создаваемый на какое-то определенное время в определенной стране, которому общество данной страны делегирует свои полномочия, и который несет ответственность перед обществом. У нас государство — скорее «power»: власть, система властвования, которая одновременно и как моносубъект, и демиург не несет никакой ответственности перед населением. Оно, напротив, еще и как сила, как насилие формирует население под свои нужды, месит и перемешивает людское тесто, подминает его под себя, распоряжается им, исходя из соображений самосохранения и ради Великой цели. Но государство у нас, кроме того, — еще и сама страна, держава, оно же и наша родина, нация и, наконец, оно у нас — сама Россия вместе с ее населением и с патриотической любовью к ней.

То есть государство по-русски — не только власть, не только способ властвования и стиль, но еще и содержание, и смысл жизни, не только механизм господства, но и тот идеал, для воплощения которого подобный механизм предназначен. Идеал и механизм в данном случае связаны как цель и средство ее достижения, как причина и следствие, — т.е. связаны генетически, на глубинном уровне зарождения и становления этих двух сущностей. Их можно рассматривать, чтобы их понять, только в паре, и население присутствует в обеих составляющих такую пару как нерасчлененное власте-население. Так повелось еще задолго до той поры, когда Русь стала Московией. Столь аморфное, нерасчлененное — мыслительное и онтологическое — содержание русского социума в плане соотношенности нем *власти — населения — государства — страны — нации — идеала* — еще одно, дополнительное проявление его не преодоленной до сих пор, исторически транслируемой синкретичности.

Когда Ленин напутствовал Троцкого заключать Брестский мир, он говорил примерно следующее: «Соглашайтесь на все, на любые условия. Пересидим в маленьком городишке где-нибудь за Уралом, а потом возвратимся и все возьмем назад. Ведь с нами остается Идея».

Сегодня уже мало тех, кто читал короткую речь Сталина на последнем в его жизни XIX съезде партии. Вождь был тогда уже совсем плох здоровьем и, выходя из президиума, со вздохом облегчения произнес: «А все-таки сумел сказать!» Он сказал, видимо, самое сокровенное. Поэтому напомним, какими словами он завершил свою идейную карьеру: «Раньше буржуазия считалась главой нации... Теперь буржуазия продает права и независимость нации за доллары. Знамя национальной независимости и национального суверенитета выброшено за борт. Нет сомнения, что это знамя придется поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий, и понести его вперед, если хотите быть патриотами своей страны, если хотите стать руководящей силой нации. Его некому больше поднять».

* * *

Если теперь, с учетом всего сказанного, снова вернуться к определению нашего общественного устройства после 1917 года, то с позиций социологии, культурологии и истории оптимальным в содержательном плане, на мой взгляд, было бы определение «национал-большевизм».

Именно национал-большевизм определяет в сущностном содержании, характер нашего общественного устройства, систему властвования и общую для совестности и постсовестности путеводную цель. Такое определение охватывает не только ленинско-сталинский период существования России — СССР — России в качестве идеократической империи, но и, что особенно важно подчеркнуть, также его последнее ельцинско-путинское двадцатилетие — в том же качестве.

Однако надо учесть, что «национал-большевизм» именно в таком словосочетании уже давно, еще в 20-е годы прошлого века был изрядно затаскан нашими отечественными евразийцами. Кроме того, его в том же словосочетании уже и в наше время успели изрядно поистрепать любители радикализма и экстравагантности. Поэтому в качестве определения, претендующего на строгую научность, оно вряд ли пригодно для нашего советского прошлого и путинского настоящего. Ему вряд ли помогут в этом смысле приведенные выше разъяснения, что означает «национальное» и «государственное» по-советски. Как и разъяснения о большевизме как о способе, о механизме тотального истребления любой другой субъектности. Предлагаемые взамен такие слова и определения, как «нанокапитализм» и «опричное государство» вроде бы посовременнее и посвежее. Но проблема «через формы — к смыслам» и в таком случае остается вполне актуальной и применительно к нашему современному общественному устройству. И здесь эвристических сложностей на пути от одного к другому ничуть не меньше, чем в ленинско-сталинских дебрях.

Аннотация

В статье выявляется общее и особенное в советской и постсоветской российской истории с целью определения наиболее важных сущностных черт и характеристик их общественно-политического устройства. Поскольку эти черты являются общими и для российской, еще досоветской общественности, в статье делается попытка выяснить, насколько наше сегодня, человек и общество зависят от предшествующего социокультурного опыта. Дается определение присущего и нашему сегодня сталинизма, обосновывается, что его суть — не преступления и не «репрессии», а проистекающая из непреодоленной раздвоенности российского социума его античеловечность. А отсюда уже — его ненависть к любой другой субъектности, вплоть до ее полного уничтожения.

Ключевые слова:

искусственная социальность, субъектность, опричная власть, идеократическая империя, Великая Цель.

Summary

In this article, common and distinctive features of the Soviet and post-Soviet Russian histories are brought to light. The goal is to find the most important essential features and descriptions of their social and political organization. As these features are common for the Russian pre-Soviet society as well, we attempt to understand to what extent our present, people and society depend on the previous social and cultural experience. We define Stalinism that is also there today, and claim that its essence is not crime or “repressions”, but its anti-humanity that results from Russian society being divided — something that still hasn’t been overcome. This is the reason for Russian society’s hatred towards any other person’s subjectiveness, to the extent that this subjectiveness should be annihilated.

Keywords:

artificial sociality, subjectiveness, Oprichnina, ideocratic empire, the Great Goal.